

На очередном прослушивании члены приемной комиссии Саратовской консерватории откровенно скучали. Кто смотрел в окно, кто рисовал в блокноте закорючки. Слушали вполуха.

– Достаточно, позовите следующего, пожалуйста, – обронил председатель.

В зал застенчиво вошла девушка.

Представилась.

– Что будете петь?

– «Соловей» Алябьева.

– А где же ваши ноты?

– А я так. Мне не надо. Я без нот.

Через минуту от скучающих мин на лицах преподавателей не осталось и следа. Все были поражены чистотой голоса, теплым, нежным, чарующим тембром и верхним регистром, неограниченным до «фа» третьей октавы.

– Попробуйте без аккомпанемента.

И вновь «Соловей» был спет со всеми трелями без единой ошибки.

– Простите, как вас зовут? – Потрясенные преподаватели забыли, что девушка уже представилась.

– Галя, – смущенно улыбнулась она.

– Галина Ковалева.

the glorious sounds of that voice

Этого голоса дивные звуки

Ирина ВАСИЛЬЕВА /
by Irina VASILYEVA

It was one more in the series of auditions for the Saratov Conservatory and the members of the admissions panel were openly bored. One was looking out of the window, another doodling on his notepad. They were all listening with half an ear.

“That’s enough. Ask the next candidate to come in, please,” the chairman interrupted the singer.

A girl came shyly into the room and gave her name.

“What are you going to sing?”

“Aliabyev’s Nightingale.”

“And where’s your music?”

“I don’t need any. I’ll sing without.”

Within a minute there was no trace of boredom left on the faces of the teachers. They were all amazed by the purity of that voice, by its warm, tender, enchanting timbre...

“Try it without the accompaniment.”

And again she sang The Nightingale with all its trills through without a single mistake.

“Sorry, what was your name?” The stunned teachers had forgotten that she had already introduced herself.

“Galya,” she said with an embarrassed smile, “Galina Kovaleva.”

САМОРОДОК ИЗ ГОРЯЧЕГО КЛЮЧА

Много лет спустя примадонна молдавской оперы Мария Биешу подарит Галине Ковалевой книгу с дарственной надписью: «Русскому соловью Галине Ковалевой желаю еще долгие годы петь и приносить людям радость своим чарующим голосом и мастерством». Голосом Ковалевой восхищались Сергей Лемешев, Иван Козловский и многие-многие другие. Но в далеком 1954 году, переступая порог Саратовской консерватории, скромная девушка Галя из кубанского поселка с романтическим названием Горячий Ключ и мечтать не могла о блистательной карьере оперной певицы.

Музыка окружала ее с детства. Отец пел под гитару, мама участвовала в самодеятельности. Но музыкальным образованием Галины никто всерьез не занимался. Училась петь она... слушая радио, с увлечением подпевая солистам оперных театров. И когда в праздники родители поднимали ее на стул и спрашивали: «Галочка, что ты нам споешь?» – она отвечала очень важно: «Я спою вам арии из оперы „Иван Сусанин“...»

В детстве она хотела, как мама, стать учителем. На прослушивание в консерваторию ее буквально притащили за руку друзья. Талант Ковалевой сразил педагогов. Ее приняли даже несмотря на то, что она не знала нотной грамоты! Всего за три года она освоила всю музыкальную

A NATURAL TALENT FROM THE HOT SPRING

Many years later the prima donna of Moldovan opera Maria Bieșu would give Galina Kovaleva a book in which she wrote “I wish that the Russian nightingale Galina Kovaleva will sing for many more years and bring people joy with her enchanting voice and mastery.” Kovaleva’s voice was also admired by Sergei Lemeshev, Ivan Kozlovsky and many, many others. But way back in 1954, as she crossed the threshold of the Saratov Conservatory, modest young Galya from the settlement of Goryachy Kliuch (Hot Spring) in the Kuban river basin could not have dreamt of a brilliant career as an opera singer.

She had been surrounded by music since childhood. Her father sang to the guitar; her mother took part in amateur performances. But nobody had given Galina proper musical training. She taught herself to sing... listening to the radio and happily singing along with the soloists of the opera theatres. And when on special occasions her parents would stand her on a chair and ask, “Galochka, what are you going to sing for us?”, she would answer with an air of great

теорию. Уже на четвертом курсе ее приняли в труппу Саратовского оперного театра и сразу дали роль Марфы в опере Римского-Корсакова «Царская невеста». А в ноябре 1960-го пригласили в Ленинград, на сцену прославленного Кировского (ныне Мариинского) театра.

Голос, не оставляющий равнодушным

Успех — ошеломляющий — пришел сразу. Лучшие партии сопрано в «Севильском цирюльнике», «Риголетто», «Руслане и Людмиле», «Аиде», «Лючии ди Лам-

мермур» исполнялись ею, как отмечали музыкальные критики, с пленительной легкостью и непринужденностью. Но любимой ролью оставалась по-прежнему Марфа. Зрители плакали на каждом спектакле, сострадая прекрасной и беззащитной героине Ковалевой.

«Как-то поздним вечером я включил радиоприемник и услышал по трансляции вступление к четвертому акту „Царской невесты“, — вспоминал великий тенор Сергей Лемешев. — Я очень люблю эту оперу, особенно четвертый акт, и хотя

«Уважаю Вас и ценю как замечательного мастера, вдохновенного, несущего свое искусство для радости, для тишины, для гармонии жизни», — писал в письме Ковалевой Иван Козловский (на фото) в ноябре 1980 года.
 “I respect you and value you as a remarkable inspired craftswoman who presents her art for joy, for peace and for the harmony of life,” Ivan Kozlovsky (photograph) wrote to Kovaleva in a letter in November 1980.

Марфа из оперы «Царская невеста» Николая Римского-Корсакова была одной из самых любимых ролей Галины Ковалевой.

Marfa in Rimsky-Korsakov's *A Bride for the Tsar* was one of Galina Kovaleva's favourite roles.

звучание оркестра показалось мне не совсем удачным, я решил послушать.

Но вот запел приятный тенор, настроение мое поднялось, затем красивый баритон, прекрасное меццо, и вдруг...

И вдруг я услышал голос необычайный, голос, заставивший меня встрепенуться.

Ничего подобного я раньше не слышал. Голос изумительной красоты, плавности, легкости, который не мог оставить равнодушным.

Это был, как я узнал потом, голос Галины Ковалевой. И что самое интересное, как только Ковалева — Марфа запела свою арию, оркестр, игравший до того вяло, начал вдруг обретать слаженность и красочность звучания.

Произошло чудо, редко встречающееся в театре: голос певицы, будто камертон, настроил оркестр и дирижера, повел их за собой, увлекая интонационной точностью и гибкостью чудесного звука».

Независимость и достоинство

«Звездная болезнь» Галине Ковалевой была незнакома. По признанию коллег, она была совершенно «некарьерным» человеком. Закулисными сплетнями не интересовалась, в театральных интригах — а какой театр без интриг? — не участвовала. По этой причине отказалась от перехода в Большой театр. Трудно, пожалуй, вспомнить еще такой случай, когда певица отказывается стать солисткой первого театра

«...Галина Ковалева обладает колоратурным сопрано такого исключительного достоинства, что его можно считать одним из голосов века... Певицу отличает ослепительная техника, бесподобная виртуозность, блестящий тембр колоратуры, совершенство манеры пения», — писала в 1963 году французская газета «Ла депеш».

“Galina Kovaleva possesses a coloratura soprano of such exceptional quality that it can be reckoned one of the voices of the century... The singer displays dazzling technique, unparalleled virtuosity, a brilliant coloratura timbre and a perfect manner of delivery,” the French newspaper La Dépêche wrote in 1963.

“Suddenly I heard an exceptional voice, a voice that made me start.

“I had never heard anything like it before. A voice of amazing beauty, fluency and lightness that could not fail to move.

“It was, as I later learnt, the voice of Galina Kovaleva. And the most fascinating thing was that as soon as Kovaleva as Marfa launched into her aria, the orchestra that up till then had played insipidly, suddenly began to acquire a harmonious, colourful sound.

“A miracle took place that rarely occurs in the theatre: the singer’s voice acted like a sort of tuning-fork and set the orchestra and

importance, “I shall sing you arias from the opera *Ivan Susanin*.”

In childhood she wanted to become a teacher like her mother. Her friends literally dragged her to the audition for the Conservatory. She was accepted, even though she could not read music! In just three years she mastered the whole theoretical side of music. While she was still a fourth-year student, she was enrolled in the company of the Saratov Opera House and immediately given the role of Marfa in Rimsky-Korsakov’s *The Tsar’s Bride*. Then in November 1960 she was invited to Leningrad, to perform at the famous Kirov (Mariinsky) Theatre.

A VOICE THAT NEVER FAILED TO MOVE

Success — staggering success — came immediately. She performed the best soprano parts in *The Barber of Seville*, *Rigoletto*, *Ruslan and Ludmila*, *Aida*, *Lucia di Lammermoor* with, as the critics noted, captivating ease and naturalness. But her favourite role remained Marfa. The audience were in tears

Справа. «Ты станешь великой певицей», — напутствовала Ковалеву примадонна итальянской оперы Тотти даль Монте (слева) после победы Галины на Софийском конкурсе.
 Right. “You will become a great singer,” the Italian opera prima donna Totti dal Monte (left) told Kovaleva after the Russian’s victory at the Sofia competition.

at every performance, sympathizing with Kovaleva’s beautiful, defenceless heroine.

“Late one evening I turned on the wireless and they were broadcasting the introduction to the fourth act of *The Tsar’s Bride*,” the great tenor Sergei Lemeshev recalled. “I am very fond of that opera, especially the fourth act, and although the orchestra sounded a little off, I decided to listen.

“When a pleasant tenor began singing, my mood improved, then a fine baritone, a beautiful mezzo and suddenly...

С будущим мужем Вениамином Фабрицким Галина Ковалева познакомилась, когда он фотографировал Кировский театр для альбома по архитектуре.

Galina Kovaleva met her future husband Veniamin Fabritskiy when he was photographing the Kirov Theatre for a book on architecture.

страны. Да еще вопреки настойчивым рекомендациям чиновников Министерства культуры. В то время это дорогого стоило. Но Галина Ковалева была непреклонна, считая, что пропитанная интриганством атмосфера Большого театра к творчеству

Галина Ковалева и Сергей Лейферкус в сцене из оперы «Аида» Джузеппе Верди.

Galina Kovaleva and Sergei Leiferkus in a scene from Verdi's Aida.

отношения не имеет. Чуть позже отказалась от приглашения на стажировку в Ла Скала, с легкостью дав себя уверить в том, что итальянская школа может «испортить голос».

Галина Ковалева при любых обстоятельствах умела сохранять независимость, достоинство и свои творческие принципы. В театре побаивались ее остро, не всегда сдержанного языка. Не задумываясь, она могла любому в глаза сказать все, что о нем думает. А в простом человеческом общении всех покоряла ее открытость, ее улыбчивость и доброта, постоянная готовность прийти на помощь.

В 1961 году Галина Ковалева – лауреат Софийского конкурса, год спустя завоевала Гран-при конкурса в Тулузе, в 1967-м успешно выступила на Монреальском конкурсе. В 1964-м удостоена почетного звания заслуженной, через три года – народной артистки республики, а в 1974 году стала народной артисткой СССР. В 1978 году Галине Александровне была присуждена Государственная премия имени М. И. Глинки.

In 1961 Galina Kovaleva won the Sofia Competition; a year later she took the Grand Prix at a competition in Toulouse. In 1967 she performed successfully at the Montreal Competition. In 1964 she was awarded the title of Honoured Artist of the RSFSR, three years later that of People's Artist, and in 1974 she became a People's Artist of the USSR. In 1978 Galina Alexandrovna received the State Glinka Prize.

«Это голос завораживающей красоты и поэтичности, он необыкновенен по красоте и блеску», «это голос века», «ослепительная техника пения», «исключительное певческое явление» — это лишь малая доля эпитетов, которыми сопровождала пресса все гастрольные выступления певицы.

В роли Джильды из оперы Джузеппе Верди «Риголетто».

“A voice of captivating beauty and poetry, exceptionally lovely and brilliant”, “the voice of the century”, “dazzling technique”, “an exceptional singing phenomenon” — those are just some of the comments that accompanied the diva's performances on tour.

In the role of Gilda in Verdi's Rigoletto.

conductor right, led them, carried them along with the intonational subtlety and flexibility of a wonderful sound.”

INDEPENDENCE AND DIGNITY

Galina Kovaleva was never a prima donna in the negative sense of the term. Colleagues recall her having been anything but a careerist. She was not interested in backstage gossip and did not participate in the intrigues that are a part of life in any theatre. For that reason she turned down the chance to move to the Bolshoi. It would be hard to recall another instance of a singer turning down the opportunity to become a soloist at the country's premier theatre.

Galina Kovaleva had the ability to keep her independence, dignity and artistic principles under any circumstances. People in the theatre were rather scared of the sharp tongue that she did not always keep in check. She was capable of telling anyone straight to their face just what she thought of them. But on a simple human level Kovaleva won everyone over with her openness, her smiling kindness and constant willingness to help.

Никому не прощала прохладного отношения к работе. Сама же перед каждым выступлением по два часа готовилась к выходу на сцену, пытаясь найти новые краски для исполнения, казалось бы, уже давно известной роли.

Однажды на гастролях произошла накладка — организаторы не успели подготовить к приезду Ковалевой гостиничный номер и репетиционный зал. Близилось начало концерта, а Галина все продолжала сидеть в холле на чемоданах. Тогда она вызвала такси и вернулась в Ленинград. Едва успела переступить порог дома, раздался телефонный звонок.

— Что случилось? — Голос всеильного министра культуры Екатерины Фурцевой звенел от возмущения.

Вверху. После спектакля «Трубадур» Джузеппе Верди. Слева направо: Валерий Гергиев, Галина Ковалева, Елена Образцова, Сергей Лейферкус и Алексей Стеблянко (сидит).

Top. After a performance of Il Trovatore. Left to right: Valery Gergiyev, Galina Kovaleva, Yelena Obraztsova, Sergei Leiferkus and (seated) Alexei Steblianko.

Ниже. Перед каждым выходом на сцену Галина Ковалева подолгу входила в образ, стараясь придать роли новые краски.

Below. Before going on stage Galina Kovaleva always spent a long time getting into her role, trying to bring new shades to it.

Выше. Борис Штоколов и Галина Ковалева. Сцена из спектакля «Руслан и Людмила» Михаила Глинки.

Above. Boris Shtokolov and Galina Kovaleva in a scene from Glinka's Ruslan and Lyudmila.

Ковалева спокойно объяснила, что не могла выйти на сцену неготовой, поэтому вынуждена была уехать.

— Ну и правильно сделала, — смягчилась Фурцева, — я разберусь.

ПРОЩАЛЬНАЯ ОСЕНЬ

В середине восьмидесятых годов прошлого века Галина Ковалева ушла из театра. Сделала она это так же стремительно, как и ворвалась на оперную сцену. Ее голос продолжал покорять сердца зрителей, возраст для оперной певицы был далек от критического. Но в театре, как и в стране, нарастали застойные явления. Репертуар практически не обновлялся, новых ролей не было. Испытывая творческую неудовлетворенность, Галина Ковалева решила оставить сцену. Тщетно кол-

леги уговаривали ее остаться. Дав прощальный концерт, куда певица включила многие так и не спетые в театре арии, она сосредоточилась на преподавательской работе. И еще на доме.

Впрочем, даже блистая на оперной сцене, Галина оставалась идеальной хозяйкой в огромной квартире на набережной канала Грибоедова. Несмотря на постоянные репетиции, концерты, спектакли, она сама стирала, ходила в магазин, убирала. «Очень любила готовить, печь пироги, — вспоминает муж Галины Ковалевой известный архитектор Вениамин Фабрицкий. — В доме всегда были самые разные кексы, ватрушки, шарлотки. Какой у нее был борщ — кубанский, украинский, один другого лучше, а какие супы, щи, всевозможные салаты! Все было очень

Голосом Галины Ковалевой восхищались и советская творческая элита, и партийное руководство страны. Рассказывают, что всеильный идеологический вождь Михаил Сулов, приехав в Ленинград и узнав, что в Кировском дадут «Травиату», бросил все дела и помчался слушать Ковалеву.

Галина Ковалева и композитор Георгий Свиридов.

Galina Kovaleva's voice was admired by the Soviet creative elite and also by the party leadership. It is said that once, when he had come to Leningrad and learnt that *La Traviata* was to be performed in the Kirov, Mikhail Suslov, the Kremlin's all-powerful chief ideologist, laid aside all his business and dashed off to the theatre to hear Kovaleva.

Galina Kovaleva and the composer Georgy Sviridov.

One thing the singer would not forgive was a lukewarm attitude to work. She herself spent two hours preparing for every appearance on the stage, trying to find new nuances in even the most familiar role.

THE FAREWELL AUTUMN

In the middle of the 1980s Galina Kovaleva said goodbye to the theatre. She did it just as rapidly as she had burst onto the opera scene. Her voice still captured audience's hearts; she was still far from a critical age for an opera singer, but she decided she had achieved her best and was beginning to repeat herself. Colleagues tried in vain to persuade her to stay. After a farewell concert that included many arias she never had sung on the stage, she concentrated on teaching work. And on her home.

But even when she was resplendent on the opera stage, Galina had always been a perfect housewife in her huge apartment on the Griboyedov Canal. Despite the constant round of rehearsals, concerts and performances, she did her own laundry, shopping and cleaning. "She was very fond of cooking, of baking pies," Galina's husband, the well known architect Veniamin Fabritsky, recalls. "At home there was always a variety of biscuits, cheese-cakes and charlottes. The borscht she made — Kuban and Ukrainian, one better than the other, and her soups, the shchi, and all kinds of salads! It was all very tasty, but we reckoned her real specialities were charlotte and borscht. When visitors came from abroad, the first thing they asked for was borscht."

After quitting the stage, Galina Kovaleva set about improving her dacha with her

В последние годы жизни Галина Ковалева много времени проводила на даче в Лебяжье.

In the last years of her life Galina Kovaleva spent a lot of time at her dacha in Lebiazhye.

«Мне и сейчас нередко представляется, что это какой-то тяжелый, мучительный сон, который вот-вот закончится. Ведь сколько раз она, моя Марфа, Лючия, Виолетта, страдала, болела и умирала на сцене, а потом появлялась за кулисами, такая живая и улыбчивая, и говорила: „Веша, пошли домой“».

Из воспоминаний Вениамина Фабрицкого

“Even now I quite often imagine that it is some sort of painful unpleasant dream that is just about to end. After all she – my Marfa, Lucia, Violetta – suffered, fell ill and died so many times on the stage and then she would appear backstage, so alive and smiling, and say ‘Vesha, let’s go home.’”

From Veniamin Fabritsky’s reminiscences.

characteristic drive and enthusiasm. Until late in the evening the opera star could be found in the garden tending the flowers.

Late in 1994 Kovaleva and Fabritsky finally finished refurbishing the house, set the paths, lawns and flowerbeds in order. It was a beautiful, sunny, golden autumn. No-one could have imagined that for Galina Kovaleva it would be the last.

The terrible illness came over her suddenly. Weakness, nausea, fainting spells... She had to go into hospital for tests. When the doctors told her husband the diagnosis, they avoided looking in his eyes – it was cancer.

They saw in the New Year together. At home. They raised glasses of champagne and drank to good health. A week later, at Orthodox Christmas, she passed away. ■

вкусным, но самыми фирменными блюдами считались шарлотка и борщ. Когда приезжали гости из-за рубежа, первым делом просили угостить борщом».

Оставив сцену, Галина Ковалева с присущей ей азартом взялась за обустройство дачи. Участок вместе с мужем выбрала в Лебяжье: подальше от городской суеты и традиционных мест отдыха театральной богемы, по соседству с обычными деревенскими жителями. До позднего вечера оперная звезда проводила время, ухаживая за цветами в саду.

В конце 1994 года Ковалева и Фабрицкий наконец закончили ремонт дома, привели в порядок дорожки, газоны и клумбы. Стояла красивая, солнечная, золотая осень. Никто не мог предположить, что эта осень станет для Галины Ковалевой последней.

Страшная болезнь обрушилась внезапно. Слабость, тошнота, обмороки... Пришлось лечь в больницу на обследование. Сообщая Фабрицкому диагноз, врачи прятали глаза – онкология.

Новый год они встретили вместе. Дома. Подняли бокалы шампанского. За здоровьем. Через неделю, в день Рождества Христова, ее не стало. ■

Оставив сцену, Галина Ковалева ушла в педагогику, открыв путь в искусство многим молодым певцам. Но ее талант не был забыт — пышные букеты цветов всегда украшали ее жизнь.

When she quit the stage, Galina Kovaleva devoted herself to teaching, opening up the way into art for many young singers. But her talent was not forgotten: magnificent bouquets of flowers always adorned her life.

